

Сергей Маркедонов

ПОСТСОВЕТСКИЙ ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ПЛЮС МОДЕРНИЗАЦИЯ

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: НЕСБЫВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ

Борьба республик Закавказья за национальный суверенитет и независимость в конце 1980-х — начале 1990-х годов проходила под лозунгами борьбы против «империи Кремля» и советского тоталитаризма. По справедливому замечанию российского этнополитолога Тимура Музаева, «перестройка и демократизация общественной жизни во второй половине 80-х гг. не создали национальных проблем и движений, а лишь обнаружили их существование в Советском Союзе. Гласность и ослабление партийной цензуры позволили народам СССР открыто заявить о своих национальных интересах и целях»¹. Идеи свободы и национального освобождения были ключевыми во всех знаковых для постсоветских Грузии, Армении и Азербайджана акциях. Демонстрация 9 апреля 1989 года в Тбилиси, многочисленные митинги на Театральной площади в Ереване (самый крупный по численности митинг в республике с трехмиллионным населением собрал 1 млн. человек) и на площади «Азадлыг» (Свободы) в Баку. Кстати сказать, популярное ныне слово «майдан» стало впервые символом гражданской и политической активности не в Украине, а в Азербайджане в период 18-дневного митинга (17 ноября — 8 декабря 1988 года). Позже день 17 ноября объявят «Днем пробуждения» («Дирчелиш»). Под лозунгами борьбы за свободу и национальное «возрождение» прошли также массовые акции армян Нагорного Карабаха (февраль 1988 года), 30-тысячный сход абхазского народа в селе Лыхны Гудаутского района (14 марта 1989 года).

Однако на практике борьба за освобождение карабахских армян привела к затяжному и неразрешенному до сих пор армяно-азербайджанскому конфликту, свобода и независимость Грузии была оплачена грузино-абхазским

1. Музаев Т. М. Этнический сепаратизм в России. М.: Изд-во ООО «Панорама», 1999. С. 25.

и грузино-осетинским конфликтами, внутригрузинской гражданской войной 1993 года. Фактически все государства Южного Кавказа на сегодняшний день не могут считаться в полном смысле слова состоятельными. До сегодняшнего дня Азербайджан и Грузия оказались не в состоянии решить проблемы территориальной целостности. Грузинская юрисдикция не распространяется на большую часть территорий Абхазии и Южной Осетии, а Азербайджан утратил контроль над бывшей Нагорно-Карабахской автономной областью (НКАО), а также семью районами, находящимися за пределами «мятежной автономии». Пять из них Азербайджан не контролирует полностью (Лачинский, Кельбаджарский, Кабатлинский, Зангеланский и Джебраильский), а два контролирует частично (Агдамский и Физулинский). На сегодняшний день нет никаких существенных предпосылок для успешной реинтеграции отмеченных выше территорий, если не брать во внимание массивную внешнюю помощь или военно-политический реванш со стороны Грузии и Азербайджана. Таким образом, можно говорить о неполной легитимности двух кавказских государств, поскольку на сегодняшний день значительная часть их *de jure* граждан не признает их суверенитет *de facto*. Однако и Армения, считающаяся победителем в борьбе за Нагорный Карабах, не может рассматриваться как вполне состоявшееся государство. Экономическая блокада республики со стороны Азербайджана и Турции, зависимость от динамики российско-грузинских, американо-иранских отношений и динамики карабахского урегулирования превращают Армению в очень уязвимое государство со всех точек зрения. Вопрос о простом физическом выживании граждан республики (в случае усиления изоляции страны) ставит в перспективе под вопрос и легитимности власти, и всей той стратегии, которой придерживалось руководство постсоветской Армении. И хотя сегодня эта проблема не представляется для Еревана актуальной, ее нельзя игнорировать, как один из возможных трендов уже ближайшего будущего.

Таким образом, после распада пресловутой «империи Кремля», вместо чаемых многими отцами-основателями национал-демократических движений формирования основ гражданского общества и социальной модернизации, на постсоветском Кавказе произошел невиданный всплеск этнического национализма и политической архаики. Прогрессизм (в его марксистско-ленинской «упаковке») как доминанта общественного сознания сменился не «буржуазным» («постиндустриальным») прогрессизмом, а интенсивными поисками «золотого века» (в большей степени соответствующими «Трудам и дням» Гесиода). Концепт «светлое будущее» сменился «светлым прошлым». Конкретным проявлением такого «броска назад» стало возникновение властных и даже общественных организаций, строящихся на основе средневековых по своей сути политико-правовых и социальных понятий — подданничество (вместо гражданства), иерархия, традиция. Вместо развития институтов гражданского общества и политической конкуренции значительную роль в общественно-политических процессах на Кавказе стали играть не правовые, а клановые механизмы. Более того, лишившись обще-

имперского контекста, политические элиты Грузии, Армении и Азербайджана стали в гораздо большей степени провинциальны (и по стилю политического поведения и мышления, и по конкретным действиям). Фактически вся геополитическая фантазия лидеров новых независимых государств ограничилась игрой на противоречиях «великих держав» в регионе. И если Азербайджан и в некоторой степени Армения сумели выстроить диверсифицированные отношения со всеми участниками «Большой игры», то Грузия, сделав в начале 1990-х годов ставку только на Россию (вопрос о НАТО был до середины 1990-х годов табуированным), а потом только на США (и в меньшей степени на ЕС).

В некоторых же случаях можно вести речь о деградации едва появившихся в конце 1980-х — начале 1990-х годов точек роста демократии. Институты власти в независимых государствах Южного Кавказа также весьма неустойчивы. В Грузии за весь постсоветский период смена глав государства еще ни разу не проходила мирным и демократическим путем. Первый президент республики Звиад Гамсахурдиа был отстранен от власти в ходе «тбилисской мини-войны» в январе 1992 года. Свержение Звиада Гамсахурдиа спровоцировало серьезный внутригрузинский раскол. В Западной Грузии в 1992 году произошло 3 восстания сторонников свергнутого президента против центральной власти, в августе-ноябре 1993 года внутригрузинская гражданская война, а в 1998 году звиадистский мятеж. В свою очередь второй лидер Грузии Эдуард Шеварднадзе покинул свой пост в результате «революции роз».

В начале 1990-х годов «силовой» фактор играл значительную роль во внутривластной жизни Азербайджана. Первый президент республики Аяз Муталибов покинул свой пост 6 марта 1992 года под сильнейшим давлением Народного фронта Азербайджана после военного поражения азербайджанцев под Ходжалы. Его попытка вернуться во власть в мае 1992 года не увенчалась успехом. И хотя второй президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей был избран на демократических выборах (июнь 1992 года), его фактическое отстранение от власти началось после антиправительственного мятежа Сурета Гусейнова (май 1993 года). В ночь с 17 на 18 июня 2003 года Эльчибей бежал из Баку, а 25 июня 1993 года его полномочия были переданы Гейдару Алиеву. О третьем президенте Азербайджана можно говорить как о весьма эффективном политике, грамотном стратеге, конструкторе внешне и внутривластного курса независимого Азербайджана. Однако «система Алиева» не стала институциональным укреплением азербайджанской власти. Она была (и поныне является таковой) чрезвычайно персонифицирована. В 2003 году, несмотря на процедуру президентских выборов, власть в стране была фактически передана по наследству сыну Гейдара Ильхаму Алиеву (еще при жизни третьего президента Азербайджана его сын был номинирован на пост главы правительства и практически представлен как его политический наследник). Таким образом, именно на Южном Кавказе был создан первый постсоветский прецедент наследования высшей государственной власти.

Что же касается Армении, то уход из большой политики ее первого президента Левона Тер-Петросяна также вызывает много вопросов с точки зрения легитимности и демократии. Сначала в ходе президентских выборов в сентябре 1996 года Тер-Петросян, с которым в начале 1990-х годов ассоциировалась политическая либерализация в Армении, активно использовал административный ресурс. Подведение итогов той избирательной кампании вылилось в гражданское противостояние (штурм здания парламента республики, фактическое введение режима ЧП в Ереване). Однако после своего выступления 26 сентября 1997 года, в котором Тер-Петросян призывал к необходимости компромисса в урегулировании карабахской проблемы, армянский президент вошел в противоречие с интересами национальной элиты страны. Новый «карабахский курс» президента не получил поддержки со стороны тогдашнего премьер-министра Роберта Кочаряна, а также «силовики» (руководителей минобороны и министерства безопасности). В результате серии закулисных переговоров Тер-Петросян в феврале 1998 года ушел в отставку. Не прибавила «демократичности» Армении и террористическая акция 27 октября 1999 года, в результате которой произошла серьезная «ротация» высшей власти в Армении (были убиты премьер-министр Вазген Саркисян, председатель Национального Собрания Карен Демирчян, вице-спикеры Юрий Бахшян и Рубен Мироян, министр по оперативным вопросам Леонард Петросян, депутат Армен Арменамян и депутат, академик Национальной Академии наук Армении Микаел Котанян). Парламентские и президентские выборы 2003 года также способствовали формированию антидемократического имиджа Армении, поскольку их результаты были в массовом порядке не признаны и оспорены оппозицией.

Во всех трех государствах устойчивость власти и популярность первых лиц государства во многом зависят от динамики этнополитических конфликтов и их разрешения. Провал блицкрига в Южной Осетии существенным образом повлиял на снижение популярности Звиада Гамсахурдиа. Эдуард Шеварднадзе был вынужден нести «абхазский крест». Аяз Муталибов и Абульфаз Эльчибей расстались с президентством во многом из-за военных поражений в Нагорном Карабахе. И напротив, Левон Тер-Петросян покинул свой пост из-за радикальных (с точки зрения армянской элиты) мирных предложений. Чувствуя проблемы с собственной легитимностью, президент Азербайджана Ильхам Алиев сделал милитаристскую риторику эффективным средством укрепления власти и обеспечения популярности. Главным предвыборным обещанием третьего президента Грузии Михаила Саакашвили (одержал победу на президентских выборах в январе 2004 года после «революции роз») стало не улучшение жизненного уровня собственных граждан и не экономическое процветание, а «собрание Грузии». Символично, что президентскую клятву Саакашвили произносил в монастыре Гелати в пригороде Кутаиси, где покоится прах Давида IV Агмашенебели (Строителя), именовавшегося в исторических источниках «царем Грузии и Абхазии».

По справедливому замечанию грузинского политолога Александра Рондели, «распад СССР создал новую реальность, породив международные отношения между бывшими субъектами Союза. Иерархия советских межэтнических отношений уступила место процессам самоутверждения, дележу территорий, пересмотру прав и обязанностей, всеобщей неуверенности и страху, напряженности и агрессии. Революционные изменения, тектонические сдвиги обычно вызывают большие потрясения и катастрофы. В контексте Кавказа бывшие «друзья» и «братья» по СССР все чаще стали смотреть друг на друга через прицел автомата Калашникова или окуляр снайперской винтовки. И если бы только смотрели! Десятки тысяч убитых и искалеченных, около полутора миллионов беженцев, миллионы эмигрантов из стран Южного Кавказа»².

Южный Кавказ превратился в один из самых нестабильных регионов мира. Из восьми вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве четыре имели место именно в этой точке «евразийского пространства» (армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, грузино-осетинский, внутригрузинская гражданская война). Именно Кавказ стал своеобразным «поставщиком» непризнанных государственных образований на постсоветском пространстве. Из четырех ныне существующих непризнанных государств постсоветского пространства три расположены в Кавказском регионе. Сегодняшний Кавказ является одним из самых милитаризованных регионов мира. Независимые государства Южного Кавказа обладают военным потенциалом, сравнимым с потенциалом средней европейской страны. Численность азербайджанской армии составляет 70 тыс. чел. Численность личного состава вооруженных сил Армении составляет 45 тыс. чел. Максимальная численность вооруженных сил в Грузии в 2006 году составила 31 тыс. 878 военнослужащих. Помимо военного потенциала трех признанных международным сообществом государств, существуют военные машины трех непризнанных образований, вполне сопоставимых с признанными государствами. Помимо военных машин всех признанных и непризнанных акторов Кавказской «большой игры», в регионе располагаются миротворческие силы. В зоне грузино-абхазского конфликта находятся российские военнослужащие, действующие там по мандату Совета глав государств СНГ, а в зоне грузино-осетинского конфликта — российские военнослужащие, действующие на основе четырехсторонних Дагомьских соглашений 1992 года (Грузия — Россия — Южная Осетия — Северная Осетия). Объединенный военно-конфликтный потенциал Северного и Южного Кавказа сопоставим с разрушительным потенциалом Ближнего Востока. Именно коллапс в сфере безопасности (а не пресловутые углеводороды) способствуют стремительной «интернационализации» Кавказского региона. По мнению руководителя группы «Россия и СНГ» Германского института международной политики и безопасности (влиятельного немецкого «think-tank», консультирующего федеральное правительство) Роланда Гетца, «Кавказ с его

2. Рондели А. Южный Кавказ и Россия // Вестник Европы. 2002, № 7–8, С. 35.

довольно ограниченным ресурсным потенциалом не является ключевым регионом». По его мнению, для политики Евросоюза, занятого строительством политики «Нового добрососедства», главная цель — это создание «зон, свободных от конфликтов»³.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО «ТРАНЗИТА»

Однако для того, чтобы лечить на Южном Кавказе болезнь под названием «этническая конфликтность», недостаточно предлагать те или иные миротворческие планы, проекты по децентрализации и федерализации (прекрасно реализуемые в Европе, но неадекватные условиям Кавказского региона). Для определения первопричин масштабного межэтнического противостояния в регионе нужны нетрадиционные подходы, выходящие за рамки сугубо правовых размышлений и юридической казуистики, равно как и не втиснутые в прокрустово ложе социально-экономических конструкций. Здесь следует учитывать много иррациональных факторов, которые порой трудно идентифицировать. Как, например, измерить с правовой точки зрения комплекс «этнической собственности» на землю, когда та или иная территория рассматривается как коллективная собственность этнической группы? При разработке любой программы социально-экономической реабилитации невозможно учесть факторы массовой исторической памяти (которые оказываются намного важнее, чем экономическая целесообразность).

Прежде всего, при анализе ситуации на Южном Кавказе не следует противопоставлять такие тренды, как традиционализм и модернизация, национализм и кровно-родственные (клановые) отношения, советское наследие и борьба за независимость и национальный суверенитет, демократия и патронно-клиентские отношения. Все это существует и сосуществует на Кавказе. Демократия вполне может уживаться с ксенофобией и радикальным этнонационализмом. Во многом в постсоветский период именно Кавказ (наряду с Балканами) предложил такую политическую модель, как этнодемократия. Процессы внутренней демократизации в Грузии и в Армении вовсе не предполагают отказ сторонников «свободы для своих» от тех или иных территорий. Если же говорить об Азербайджане, то беспрецедентная низовая гражданская активность и антиноменклатурная солидарность периода «поздней перестройки» стала возможной благодаря борьбе с внешним врагом — «агрессивным армянством». Национализм (как унификационная по своей сути идеология) на Кавказе может прекрасно сочетаться с непотизмом и преференциями по территориальному принципу. Жесткий национализм президента Азербайджана Ильхама Алиева может сочетаться с кадровыми преференциями для представителей «нахичеванского»

3. Цит. по: Немецкое наступление на Кавказе. Ангела Меркель сочиняет новую восточную политику Евросоюза // Время новостей. 2006, 19 апреля.

и отчасти еразовского (от слова «ереванские азербайджанцы», так в Азербайджане называют своих соплеменников, выходцев из Армении) кланов. Не менее жесткий национализм президента Армении Роберта Кочаряна также сочетается с преференциями для карабахцев (сегодня и сам президент, и премьер-министр Серж Саркисян являются представителями этой группы). Несмотря на то, что Михаил Саакашвили стремится продемонстрировать радикальный разрыв с клановостью и ксенофобией, нельзя отрицать его массовую поддержку в Западной Грузии (Мегрелии). Во многом фактор мегрельской поддержки способствовал быстрой победе «розовой революции» в ноябре 2003 года. При этом легитимация политической власти и в Грузии, и в Армении, и в Азербайджане осуществляется посредством выборных (т. е. демократических) процедур. Наследование высшей политической власти в Азербайджане основывалось не только на воле Алиева-отца. Оно было дополнено президентскими выборами 2003 года (хотя их результат был легко предсказуем). Для Ильхама Алиева факт неформального влияния его супруги на политические процессы недостаточен. Отсюда и запрос на политическую институционализацию Мехрибан Алиевой (она в 2005 году была избрана депутатом Милли Меджлиса республики). Для того чтобы существенным образом смикшировать недовольство «усилением авторитарных тенденций» в Армении, руководство этой страны в ноябре 2005 года пошло на изменение Конституции (путем перераспределения полномочий между правительством, парламентом и президентом). С каждым годом политические элиты Армении, Азербайджана и Грузии стремятся привлечь внимание международных структур к тому, насколько высокий уровень демократии существует в их государствах. И хотя в реальности демократические процессы в новых независимых государствах идут не так быстро, как кому-то хотелось бы, сам этот факт не может не обратить на себя внимания. Для независимых республик Закавказья, во-первых, важно, как о них будут думать на Западе (хотя такое внимание определяется зачастую соображениями конъюнктуры), а во-вторых, они (в отличие, скажем, от государств Центральной Азии) считают для себя важным присутствие демократического дискурса и модернизационных тенденций.

Сегодняшний Южный Кавказ — это трансформирующийся регион, регион, находящийся в поиске своей идентичности (национально-государственной, геополитической, социокультурной). Этот транзит не может быть привязан к определенной дате. Сегодня вряд ли кто-то возьмет на себя смелость дать точный прогноз, когда на Кавказе завершится окончательный переход от постсоветской неопределенности к консолидированной демократии и рыночной экономике. И завершится ли? Скорее всего, никакого «уподобления Западу» (что бы ни говорили сегодня те же грузинские политики о «возвращении Грузии в Европу») на Кавказе не произойдет. Кавказская трансформация — это «всерьез и надолго». В данном случае мы говорим о том, что «транзит» может приобрести в Грузии, Армении и Азербайджане устойчивый характер. Государства и общества Южного Кавказа, несмотря на все авансы

со стороны США, ЕС, НАТО и ОБСЕ не смогут форсированными темпами европеизироваться или «сбежать от географии и истории». Говоря о политической системе Азербайджана, директор московского Института стратегических оценок и анализа Вагиф Гусейнов справедливо отмечает: «Модернизированная и приспособленная к потребностям независимого государства в условиях демократических веяний, она демонстрирует эффективность (с точки зрения устойчивости) даже при требованиях, предъявляемых международным сообществом к бывшим советским республикам»⁴. Подобный вывод мы с известными оговорками можем приложить и к условиям Армении и Грузии. Таким образом, мы можем говорить о демократических или модернизационных «прививках» странам Южного Кавказа. А в конце XIX — начале XX века о «прививках» националистических или социалистических (революционных). Однако в любом случае это будут только лишь «прививки», которые существенным образом изменяют политический и социально-культурный облик региона, но не уничтожают его прежние черты.

Южный Кавказ, таким образом, имеет несколько измерений. Фактически мы можем говорить о том, что на развитие Кавказского региона влияет несколько эпох сразу. Сегодня на Кавказе сосуществуют (нельзя сказать, чтобы всегда мирно) советский, национально-государственный, клановый и модернизационный дискурсы. Естественно, нельзя забывать и о религиозном факторе, который играл свою роль (хотя и с разной интенсивностью) и в советские годы, и в недолгий период существования независимых республик Закавказья после распада Российской империи, и после обретения ими независимости в 1991 году. Таким образом, постсоветский Кавказ — это не оазис традиционализма и архаики, но и не территория форсированной модернизации, не площадка для успешного демократического эксперимента, но и не «концентрационный лагерь». Сегодняшний Кавказ не вписывается в привычную для западной и для российской постсоветской политологии бинарную оппозицию «традиционное — современное». Социумы постсоветского Кавказа представляют собой «расколотое общество» (Александр Ахиезер), «многосоставное общество» (Аренд Лейпхарт), «конгломератное общество» (Алексей Богатуров и Андрей Виноградов), то есть фрагментированные социумы, находящиеся к тому же между двумя полюсами — модернизацией и традиционализмом⁵.

По словам Богатурова и Виноградова, для «конгломератных обществ» характерна устойчивая востребованность всех типов отношений и специализация каждого анклава на той или иной функции: общество равномерно

4. Гусейнов В. А. Алиев после Алиева // Вестник аналитики. 2004. № 2 (16).

5. Ахиезер А. С. Россия. Критика исторического опыта. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1997. Т. 1. От прошлого к будущему; Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992, № 1–2; Он же. Со-общественная демократия // Полис. 1992, № 3; Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. Сборник статей к 70-летию академика Н. А. Симонии. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

воспроизводит типы связей, характерные для всех анклавов и прагматично пользуется этим многообразием»⁶. Именно в этих социумах реализуется после 1991 года проект государственного строительства и нациестроительства. Отсюда и кажущиеся для непосвященных неожиданные всплески ксенофобии и архаики, неожиданные повороты к рынку и демократии со столь не неожиданными авторитарными тенденциями и клановостью. Таким образом, лидеры (а также элиты и население) Армении, Азербайджана и Грузии могут быть «традиционными» и современными одновременно. Выступая в Американском Совете по внешней политике в Вашингтоне на английском языке (апрель 2006 года), Ильхам Алиев демонстрирует свою «современность» и «вестернизм». Борясь с партией «Мусават» в 2003 году или «оранжистами» из движения «Азадлыг», он действует традиционными для республики методами. Когда Михаил Саакашвили приветствует президента или сенаторов США, то апеллирует к демократии и западным ценностям, а когда рассуждает о «криминальной шайке в Цхинвале», дает «традиционалистский»

месседж своим соратникам. Это же касается отношения Саакашвили к таким священным для Запада понятиям, как частная собственность и презумпция невиновности. В своей антикриминальной кампании в 2004–2005 годах Саакашвили всячески поддерживал практику получения государством денежных выкупов с чиновников, подозреваемых в коррупции (но еще не осужденных). Так, чиновники возвращали

**«ОЧЕНЬ ТРУДНО ГОВОРИТЬ
О ДЕМОКРАТИИ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА,
КОГДА НАДО РЕШАТЬ
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ»**

государству «украденное» еще до того, как по этому поводу вынес бы решение суд. Однако это «традиционалистское» решение обеспечило высокую популярность Саакашвили, что не мешало и самому президенту, и населению Грузии активно пропагандировать идею вступления в НАТО и интеграции с Европейским Союзом. Получая выгоды от армянского лобби в США и Франции, апеллируя к демократическим ценностям перед чиновниками Евросоюза, армянские лидеры могут себе позволить (как Серж Саркисян в одном из недавних своих интервью) такие откровенные высказывания: «Очень трудно говорить о демократии и правах человека, когда надо решать социальные и экономические проблемы населения»⁷.

Несмотря на то, что Армения активно сотрудничала с Венецианской комиссией Совета Европы по вопросам усовершенствования конституционного законодательства (весна-осень 2005 года), Ереван практически офици-

6. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Указ. соч.

7. Petrosyan D. Mafia Devours Its Children // The Noyan Tapan Highlights. 2007, N14, April.

ально обсуждает проблему «преемника» ныне действующего Роберта Кочаряна. В одной элите, таким образом, мирно уживаются европейские ценности и представление о президентских выборах как о форме презентации преемника главы государства.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В ПЯТИ ИЗМЕРЕНИЯХ

«Народы Южного Кавказа стали независимыми в результате распада СССР, и следует признать, они не были к этому готовы. Может показаться парадоксальным, но оказавшиеся независимыми в конце 1917 года в результате Октябрьского переворота Азербайджан, Армения и Грузия всё же были более органичной частью остального мира, нежели в 1991 году, после более чем 70-летнего коммунистического правления. Российская империя хоть и не была самой передовой страной мира в начале XX века, но в ней быстро развивался капитализм, рос средний класс, формы собственности и ее правовое обеспечение были такими же, как и в других капиталистических странах. Южный Кавказ был периферией Российской империи, но все же он был органичнее связан с остальным миром, нежели постсоветские Азербайджан, Армения и Грузия, в одночасье оказавшиеся суверенными государствами в мировой капиталистической системе, коренным образом отличающейся от их бывшей политической и экономической системы. К этому можно добавить, что постсоветские государства Южного Кавказа стали суверенными образованиями, не имея для этого как политической, так и деловой современной элиты»⁸.

С процитированным выше мнением грузинского политолога Александра Рондели сложно спорить. Действительно, политическое развитие Грузии, Армении и Азербайджана после 1991 года показало, что у этих республик, в отличие от государств Центральной и Восточной Европы, не было своей национальной элиты, не связанной с советским прошлым. На южном Кавказе не возникло и своего «гавела» или «валенсы». Приход во власть таких политиков, как Гамсахурдия или Эльчибей, надолго отвратил местные сообщества от диссидентства и всего, что с ним было связано. Однако было бы несправедливым говорить о том, что в советский период национальная независимость не готовилась. Другой вопрос — ее подготовка проводилась в весьма специфических политических (всевластие КПСС) и экономических (командно-административная система) условиях. Именно командно-административная система в ее республиканском варианте подготовила многих представителей высшей элиты независимых Грузии, Армении и Азербайджана. Двое бывших первых секретарей республиканских ЦК Компартии, Гейдар Алиев (в 1969–1982 годах) и Эдуард Шеварднадзе (в 1972–1985 годах), стали затем президентами независимых государств. Карен

8. 8. Рондели А. Указ. соч.

Демирчян, первый секретарь ЦК Компартии Армении (в 1974–1988 годах) стал в период обретения независимости спикером Парламента. В 1997 году в Азербайджане из 252-х партийных секретарей различного уровня в восстановленную (и политически маргинальную) Компартию вошли лишь двое (бывшие секретари Евлахского райкома и Бакинского горкома КПСС). Остальные же заняли места в различных властных и бизнес-структурах независимого Азербайджана⁹. Лишь к началу 2000-х годов на Южный Кавказ пришла революция поколений. Наиболее радикально этот процесс затронул Грузию после «революции роз».

Однако советское измерение Южного Кавказа не ограничивается одними лишь кадровыми вопросами. Тем паче, что уход из политики советских политических «тяжеловесов» минимизирует влияние «проклятого прошлого». «Империя Кремля» будет еще долго держать государства Южного Кавказа по таким проблемам, как обеспечение их территориальной целостности и легитимности. Союз ССР рассматривался как государство, главными субъектами которого выступали социалистические нации. Фактически же советское государство институционализовало этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права. Не права отдельного человека, а права наций рассматривались в качестве приоритетных. На практике это означало формирование представлений об этнической собственности того или иного этноса (в своей высшей фазе — национальной) на территорию, обозначенную как «национальная республика», автономия в составе национальной республики и даже на этнически сконструированные районы. Отказ от индивидуальных прав в пользу коллективных создавал, таким образом, предпосылки для формирования этнонациональных движений за самоопределение будущих независимых государств и вызревания конфликтных очагов. По справедливому замечанию американского этнолога Юрия Слезкина, «СССР создавался националистами и был разрушен националистами»¹⁰. По мере ослабления интеграционного потенциала Советского государства и кризиса интегрирующей идеологии — советского коммунизма — начался процесс этнонационального самоопределения республик, его составляющих. В результате закрепления определенной территории за определенной нацией была сформирована своеобразная этническая иерархия. Первое место в ней занимали представители «титულიной» нации (грузины в Грузии, армяне в Армении, азербайджанцы в Азербайджане). Анализ итогов Всесоюзных переписей населения 1959–1989 годов в республиках и автономиях Закавказья фиксирует тенденцию — увеличение численности представителей «титულიной нации» и сокращение числа представителей других этнических общностей. Институционализированный этноцентризм способствовал формированию массовых

9. Агаев Р., Али-заде З. Азербайджан. Конец второй республики (1988–1993). М.: Изд-во «Граница», 2006. С. 302.

10. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*, 1994. Vol. 53, № 2. P. 414-452.

представлений об этнической исключительности того или иного кавказского народа. В конце 1980-х — начале 1990-х годов под лозунгом борьбы за «коллективные права» началось противостояние грузин и осетин, грузин и абхазов, армян и азербайджанцев.

Во-вторых, СССР создал механизмы решения национально-территориальных проблем Грузии, Армении и Азербайджана, выполнив тем самым работу грузинских меньшевиков, азербайджанских мусаватистов и армянских дашнаков (впрочем, работа последних была выполнена хуже всего, что и спровоцировало «карабахский вопрос»). Ни одно из независимых государств Закавказья (Азербайджан и Армения в 1918–1920 годах и Грузия в 1918–1921 годах) не было в полной мере признанным, обеспечившим свою территориальную целостность и легитимность власти. В 1920 году независимая Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) была признана *de facto* Верховным Советом Союзных Держав на Парижской мирной конференции. Однако в Лигу наций АДР не попала. В Меморандуме Генерального секретаря Лиги указывалось, почему это сделать невозможно: «Территория Азербайджана являлась частью Российской империи, ввиду чего возникает вопрос, достаточно ли объявления в мае 1918 года о независимости и признания Союзными Державами в мае 1920 года для того, чтобы считать Азербайджан *де-юре* полностью самоуправляемым государством». В 1920 году этого оказалось недостаточно. Принятие Армении в члены Лиги Наций было отвергнуто 16 декабря 1920 года 21 голосом против 8 при 13 воздержавшихся. Главная причина такого решения — отсутствие четко определенных границ республики. Грузии также было отказано в приеме в Лигу наций, несмотря на пламенную поддержку ее независимости со стороны Фритьофа Нансена. Но из 24 государств, участвовавших в голосовании по вопросу о членстве Грузии в Лиге, за принятие высказались только 10, против — 14. Для избрания же нужно было получить 16 голосов¹¹. Все независимые государства Закавказья имели в 1918–1920 годах территориальные претензии друг к другу. Армения и Азербайджан спорили за принадлежность Карабаха, Зангезура и Нахичевани (впоследствии Карабах и Нахичевань будут переданы Азербайджану, а Зангезур — Армении). В конце 1918 года возник грузино-армянский конфликт из-за Лорийского района. В грузино-азербайджанском конфликте Тифлис претендовал на Закатальский район Азербайджана, населенный грузинами-ингилойцами, а Баку — на Марнеульский и Гардабанский районы Грузии, являвшиеся регионом компактного проживания азербайджанцев. И все эти конфликты проходили при вмешательстве Турции и «центральных держав», а затем стран Антанты.

По справедливому замечанию Мамеда Аракелова, «к моменту провозглашения своей независимости Азербайджан, Армения и Грузия пришли без ясных и взаимопризнанных государственных границ. Самостоятельных государственных образований в Закавказье не было с незапамятных вре-

11. О «кавказском вопросе» в Лиге наций подробно см.: Авалов З. Независимость Грузии в международной политике. 1918–1921. Париж, 1924.

мен: с VII по XV век территория подвергалась нашествиям арабов, византийцев, турок-сельджуков, монголо-татар. С XVI по XVIII век Закавказье было предметом раздора между Турцией и Персией, время от времени в большом количестве возникали различные мелкие княжества и ханства, а в XIX веке вся территория современного Закавказья была включена в состав Российской империи. В результате бесконечных войн жителям азербайджанских, армянских и грузинских городов и сел приходилось кочевать с места на место, что в итоге образовало национальную чересполосицу и диаметрально противоположное понимание автохтонности того или иного народа на территории конкретных районов. В такой ситуации, в момент провозглашения независимости между новообразованными республиками, не могло не возникнуть разногласий в вопросе определения границ, что, в свою очередь помноженное на многовековые локальные межэтнические конфликты и религиозное различие, привело к серьезным вооруженным столкновениям, в немалой степени провоцируемым извне»¹².

В 1920–1921 годах Советская власть разрешила на время территориальные споры на Южном Кавказе, собрав все три республики – Грузию, Армению и Азербайджан – в рамках единого «коммунистического проекта» и размежевав границы между ними. Именно в советский период была обеспечена «территориальная целостность» Грузии, Азербайджана и Армении (Зангезур без помощи Советской власти также являлся бы предметом спора) и те границы, которые были признаны как границы между новыми субъектами международного права после распада СССР. Расставаясь с СССР новые независимые государства Южного Кавказа пока явно не желают отказываться от такого наследия «империи Кремля», как проведенное ей территориальное размежевание.

Но весь фокус заключается в том, что постсоветские государства Южного Кавказа пока не выработали иных (кроме имперских и советских) механизмов обеспечения национального мира и спокойствия в регионе. Сегодня Абхазия и Южная Осетия не готовы к признанию грузинского суверенитета, а Карабах – суверенитета Азербайджана. Очевидно, что воссоздать ЦК КПСС и КГБ для решения этих проблем сегодня не получится (на то нет воли у самих народов Кавказа, и это решение было бы реальной геополитической катастрофой). Но в то же время апелляция к национализму и национально-государственному измерению для того, чтобы «вернуть» утраченное, не срабатывает. Точнее, срабатывает с прямо противоположным результатом. Национализм в государствах Южного Кавказа – это, прежде всего, апелляция к восстановлению национального суверенитета, утраченного в ходе советизации. «Восстановление» государственности было избрано Азербайджаном и Грузией в период борьбы за независимость в конце 1980-х – начале 1990-х годов Армения избрала иной путь строительства национального государства «с нуля» посредством правого размежевания с Советским Союзом.

12. Аракелов Мамед: Дежавю: Третья попытка Закавказской федерации // Цит. по: <http://www.regnum.ru/news/574028.html>.

Такой шаг можно объяснить тем, что армянская элита, в отличие от грузинской и азербайджанской элит, не рассматривает «первую республику» как «золотой век», с которым требуется восстановить преемственность. А потому Грузия еще на закате СССР 9 апреля 1991 года приняла «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии». Азербайджан «восстановил» свою государственность 30 августа 1991 года уже после провала ГКЧП. Данные политические решения способствовали укреплению нелегитимности «восстановленного государства», поскольку воскрешали в массовом сознании память о периоде 1918–1921 годов (когда на Южном Кавказе шла война всех против всех). Более того, апелляция к «первым республикам» создала много политико-правовых коллизий, не имеющих до сего дня своего разрешения. В Конституции 1921 года Грузии было положение об автономии Абхазии, но не было ничего о статусе Южной Осетии. Восстановление государственности и отказ от цивилизованного правового развода с СССР положил начало множественности интерпретаций событий начала 1990-х годов. Более того, кавказский вариант национализма — это этнический, а не гражданско-политический национализм. В конечном итоге национализм в кавказских условиях сделал все новые независимые государства не полностью легитимными, поскольку доминирование одной этнической группы в политике и в бизнесе автоматически превращает государство в чужака для других этнических сообществ. Однако популярность национализма легко объяснить. «Первые республики» были первым институциональным опытом по реализации националистических программ. В 1918–1921 годах на Южном Кавказе появились впервые национальные государства, определилась их «воображаемая география», были предприняты попытки защитить национальный суверенитет. Но в перспективе националистическое измерение кавказской политики рационально дополнить другими (более современными) дискурсами, иначе проблема территориальной целостности и легитимности никогда не будет решена без участия внешних сил.

Анализ кавказского «транзита» невозможен без адекватной оценки «кланового измерения». И при первом (1918–1921 годы), и при втором (после 1991 года) опытах строительства клановый фактор играл существенную роль. «Причудливое переплетение двух взаимоисключающих, на первый взгляд, мироощущений — национализма и неистребимого регионализма, возможно, является главным, что отличает Азербайджан», — справедливо замечает Вагиф Гусейнов¹³. Между тем, наблюдение Гусейнова применимо к ситуации и в Грузии, и в Армении. Еще до аджарской «революции роз» (5–6 мая 2004 года) глава Аджарии Аслан Абашидзе заявлял: «Сколько ни создавай новых административных делений, а в исторической памяти народа живы древние названия: Кахетия, Мингрелия, Гурия, Аджария...»¹⁴. К слову сказать, в 1991 году Аслан Абашидзе основал политическую партию «Всегрузинский союз возрождения», которая участвовала в выборах

13. Гусейнов В. А. Указ. соч.

14. Цит. по: Новое время (Баку). 2001, № 33.

парламента Грузии в 1992, 1995 и 1999 годах (в ходе третьей кампании партия получила 25, 65 % голосов). Партия Абашидзе в значительной степени представляла аджарские интересы и была инструментом лоббирования интересов и предпочтений Батуми на всегрузинском уровне. Весьма интересно, что такой «современный» атрибут государства, как политическая партия (и многопартийность), на Южном Кавказе может прекрасно встраиваться в клановую систему. «Прославшие непримиримыми националистами партии азербайджанских национал-демократов, давно не секрет, сформированы по региональному принципу: Народный фронт Азербайджана (классики) состоит в основном из представителей южной зоны, откуда родом их лидер Мирмахмуд Миралиоглу. Другое крыло той же партии, именующее себя реформаторами, собрало под своими знаменами земляков своего лидера Али Керимли из низменной части страны; нахчыванец Гудрат Гусейнгулиев, претендующий на звание лидера всей партии, собрал под свое крыло наиболее энергичную часть этой крупной оппозиционной силы — нахчыванцев; Партия национальной независимости Азербайджана, возглавляемая Этибаром Мамедовым, вобрала в себя выходцев из Западного Азербайджана, как в последнее время официально именуют азербайджанцев — выходцев из Армении; Демократическая партия Азербайджана, созданная находящимся в вынужденной эмиграции бывшим спикером Расулом Гулиевым, состоит главным образом из нахчыванцев, к которым принадлежит и их лидер; вокруг другой опальной фигуры — экс-президента Аяза Муталибова группируются бакинцы, шемахинцы и далее электорат ширванской зоны; к партии «Мусават», провозглашающей равноправие всех и во всем, тяготеют карабахцы, рассчитывающие на успех своего земляка Исы Гамбара, руководителя этой влиятельной организации»¹⁵.

Сегодня многие аналитики обращают внимание на то, что внутренняя и внешняя политика Армении во многом определяется «карабахским фактором». Без учета ситуации в Нагорном Карабахе ни одно политическое решение в Армении не может быть принято. Между тем, непростая динамика «армянского вопроса» в Джавахетии (Джавахке), армянонаселенном регионе Грузии, остается вне фокуса Еревана. С одной стороны, этот факт легко объяснить, если представлять себе определяющую роль «карабахского фактора» в становлении постсоветской государственности Армении. С другой стороны, незначительное количество джавахкских армян в высших эшелонах власти (по сравнению с карабахскими), а также не столь высокий их статус (среди них нет президента и главы правительства республики!) также объясняет определенную пассивность Еревана в делах Джавахетии.

Все государства Южного Кавказа с момента обретения независимости оказались вовлечены в процесс «религиозного возрождения». В Азербайджане это «исламское возрождение», в Грузии — восстановление исторической роли Грузинской православной церкви, а в Армении — Армянской Апостольской. Однако нельзя не отметить подчиненность процесса «религиозного возрож-

15. Гусейнов В. А. Указ. соч.

дения» национально-государственным задачам и процессам государственного строительства. В этом плане показательна оценка главой мусульман Азербайджана Шейх-уль-Ислама Аллашукюра Паша-заде персоны президента республики Гейдара Алиева (он был назван «богом и пророком» современного Азербайджана, что с точки зрения исламской теологии недопустимо). Показательны и высказывания Католикоса—Патриарха всея Грузии Илию II (в миру Илья Гудушаури-Шиолашвили) по «абхазскому вопросу». Нынешний грузинский Католикос-Патриарх был в течение 11 лет абхазским епископом, и он весьма жестко относится к конфессиональному «сепаратизму» бывшей епархии, разрыву связей православных абхазов в Православной Церкви Грузии. Роль же Армянской Апостольской церкви в армянском национальном движении традиционно высока, и в ее политике после 1991 года не произошло принципиальных изменений. Важной особенностью Кавказского региона является преобладание межэтнических конфликтов над межконфессиональными. Подобный феномен объясняется несколькими причинами:

- государственные образования юга Кавказа в течение 70 лет входили в состав советского государства, с одной стороны, проводившего политику государственного атеизма, а с другой – способствовавшего правовой институционализации этничности; религиозность запрещалась, в то время как этничность культивировалась;
- ислам и православие в регионе имеют существенные особенности; кавказское православие и кавказский ислам являются феноменами, весьма отличающимися от принятых стандартов;
- этническая консолидация на Кавказе развита сильнее, чем конфессиональная; более того, между различными направлениями ислама на Кавказе существуют серьезные и подчас непримиримые противоречия.

Время от времени все крупные межэтнические конфликты в регионе рассматривались как религиозные противостояния. Армяно-азербайджанский конфликт нередко трактовался как конфликт христиан и мусульман. Грузино-абхазское противоборство в пропагандистских целях подавалось Тбилиси как конфликт «европейской христианской Грузии» с исламскими радикалами—абхазами (в реальности порядка 70 % абхазов—христиане). Наличие религиозной мотивации в этих конфликтах все же существовало. Но очевидно также преобладание этнических лозунгов над целями борьбы за веру. Союзником христианской Армении, а не мусульманского Азербайджана, долгое время была Исламская Республика Иран, в то время как светская Турция, ориентированная на США и Западную Европу, поддерживает Баку.

Кавказский регион не единожды переживал модернизационные натиски. Освобождение от СССР стало первой попыткой «суверенной модернизации». Приход России на Кавказ с модернизаторским (европеизаторским) проектом был для его обитателей не только приобщением к мировой культуре и достижениям науки и техники, но и разрушением традиционных социальных устоев, многочисленными человеческими жертвами, вытеснением со «своих земель», русификацией. Отсюда защита этнической и кон-

фессиональной самости, отождествлявшаяся с борьбой против модернизации как чуждого и враждебного влияния, а также ментальное неприятие современного общества. При этом жители Кавказа оказались хорошо восприимчивы к чисто внешним проявлениям индустриального общества (железные дороги, почта, банковское дело, современное вооружение). Советское государство продолжило процесс модернизации Кавказа. Однако по справедливому замечанию историка Евгения Рашковского, на Кавказе это была технопопулистская модернизация, для которой были характерны крайний авторитаризм», который сочетался с заискиванием перед «классовым инстинктом масс» (то бишь перед архаической «народной мудростью»). Идея технологической эффективности уживалась со ставкой на жесткую и малоэффективную мобилизацию неквалифицированного труда; культ истории («историческая неизбежность», «историческая необходимость») — с практикой вопиющего вождистского волюнтаризма; военный иерархизм с мечтаниями об уравнилельных переделах»¹⁶. Такая модернизация оказалась исключительно инструментальной и поверхностной, не принимаемой большинством населения Кавказа.

«Суверенная модернизация» в Грузии, Армении и Азербайджане также несет на себе «родовые черты» прежних «технопопулистских» модернизаций. Она поверхностна, не затрагивает широкие «народные массы», нацелена на решение не столько социально-экономических, сколько политических проблем. Среди них можно назвать такие, как обеспечение экономического преимущества и поддержки внешних сил (прежде всего, ЕС и США) в решении национально-территориальных проблем. Однако эта поверхностная и политизированная модернизация приносит на Южный Кавказ новые «структуры повседневности» (обывательские, а не милитаристские) и новые ценности (буржуазные), а также способствует укоренению демократической культуры (формирует привычку к выборам, представление о необходимости смены власти).

Таким образом, развитие Южного Кавказа в постсоветский период опрокидывает представления о социально-экономическом и политическом транзите от авторитаризма к демократии как быстром и линейном процессе. Транзит в Грузии, Армении и Азербайджане будет растянутым во времени и сложным по содержанию. В любом случае, как бы ни развивались «замороженные конфликты» в регионе, и какие бы силы не вмешивались в кавказскую «Большую игру», «конгломератный» характер армянского, азербайджанского и грузинского обществ и государств должен быть учтен всеми, кто берется за «замирение» Кавказа и превращение его в «зону, свободную от конфликтов». Хорошо бы только, чтобы такое освобождение не сопровождалось отказом от элементарного здравого смысла.

16. Рашковский Е. Б. «Кавказский меловой круг»: трагические судьбы региона // *Pro et contra*. 2002. Т. 7, № 3.